

© — ОЛЯ — 1990

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Б. ПЕНЬКОВСКИЙ

«Я ЗНАЮ РУСЬ, И РУСЬ МЕНЯ ЗНАЕТ»

[Бобчинский] — «Э!» — говорю я Петру Ивановичу.

[Добчинский] — Нет, Петр Иванович, это я сказал «э»!

[Бобчинский] — Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э!» — сказали мы с Петром Ивановичем...

Н. В. Гоголь. Ревизор, д. I, я. III

Работая над «Ревизором», Гоголь, разумеется, не мог предполагать, что в ходе развития русского литературного языка спор двух Петров Ивановичей по поводу слова «э» будет перефразирован и отольется в вопрос «Кто первым сказал „э“?», ставший крылатой, лишенной автора фразой — формулой бесчисленного множества споров об авторском праве на слово.

Не мог он предполагать, и того, что в ходе живого литературного процесса и его литературоведческого отражения вся эта история почти буквально повторится на другом материале и сам он — посмертно — окажется причастным к возникшему в связи с этим спору. Это тлеющий многие годы в петите комментариев к литературным и литературоведческим текстам и время от времени вспыхивающий беглыми огоньками кратких реплик критиков, публицистов и филологов спор о том, кому принадлежит вынесенная в заглавие фраза «Я знаю Русь, и Русь меня знает».

Эта крылатая фраза, которую сегодня могли бы с первоначальной интонацией повторить и, можно полагать, действительно повторяют про себя, вдохновляясь ею, многие участники острых идеологических, общественно-политических, экономических и литературных дискуссий и споров, достаточно широко известна из монологов главного героя повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). Обличая русских писателей в том, что они («все эти Пушкины, Лермонтовы, Бородинны») искажают облик русского мужика, Фома Опискин требует, чтобы они изобразили «этого сельского мудреца в простоте своей, пожалуй, хоть даже в лаптях — я и на это согласен, — но преисполненного добродетелями, которым — я это смело говорю — может позавидовать даже какой-нибудь слишком прославленный Александр Македонский. Я знаю Русь, и Русь меня знает, потому и говорю это» [1, с. 68].

Как было замечено еще А. А. Краевским, в образе Фомы Фомича Опискина нашли отражение некоторые особенности личности Гоголя в последнюю «грустную эпоху его жизни» [2, с. 525]. Это наблюдение, ставшее, по словам акад. М. П. Алексева (ссылающегося на утверждение Л. П. Гроссмана, см. [3, с. 484, сноски]), «устной легендой» [4, с. 56], было развернуто Ю. Н. Тыняновым, который в специальной работе [5]